

рисповѣ). Въ послѣдствіи, по сопоставленіи двухъ эпопей *Иліады* и *Одиссеи* изъ народныхъ Греческихъ пѣсень, рождался обыкновенно вопросъ объ ихъ авторѣ; но и сами *собиратели* и *составители* его не знали: знали только, что эпѣ пѣсни воспѣвали въ народѣ большею частью *слѣпцы*, и *странники*, и *мальчики* водившіе слѣпцовъ. Очень естественна, что слѣпецъ, лишенный органа развѣченія (зрѣнія), изощряетъ свое зрѣніе *душевное* (память), и что онъ болѣе всего способенъ къ затверженію наизусть народныхъ пѣсень. Императоры, и даже народъ, отдали справедливостъ этому обстоятельству тѣмъ, что эпѣ двѣ поэмы утвердили за слѣпцами; *Иліада* пѣснь *слѣпца* думали они проспо; и *гомеръ* (*ομηρος*) значить именно *слѣпецъ*, *странникъ*. Древніе постоянно такъ и называли *Ιλιάδος του ομηρου ραψωδία* 24. π: е: *бандуристскихъ* или *слѣпецкихъ* пѣсень о взятіи *Иліона* (Трон) 24 книги. Такимъ образомъ, эпѣ двѣ безсмертныя эпопей принадлежатъ генію всего народа, а не мнимому автору, никогда не существовавшему. Въ заглавіи поэмъ означено впрочемъ довольно проспительно, имя *слѣпца* въ единственномъ числѣ. Но выраженіе *Иліада пѣснь слѣпца* здѣсь означаетъ собственно множественное число, да и по въ неопредѣленномъ смыслѣ.

Въ послѣдствіи времени мѣщане семи горо-